

- Брат А-Цзю, ты дома?

Было уже то время, когда каждая семья заканчивает ужин. Юй Цзюцюэ при свете лампы сидел в своей комнате и распарывал старое покрывало, когда услышал, что кто-то зовет его снаружи двора. Поспешно отложив работу, он вместе с Дафу вышел на улицу.

Как только дверь открылась, перед ними предстала улыбчивая Цао Ашуан.

- Знаю, что ты сегодня не идешь торговать, а Вэй Чао пошел с кем-то пить вино. Я дома совсем без дела, вот и подумала, что зайду к тебе — заодно вместе займемся рукоделием.

Юй Цзюцюэ жестом пригласил ее в дом.

- Как приятно, что ты обо мне вспомнила. Проходи, только смотри под ноги.

Затем он повернулся к Дафу, который все еще торчал на пороге, выглядывая наружу:

- Дафу, заходи и ты! А то выбежишь, тебя поймают и сварят в большом чугунном котле!

Этой шуткой Цинь Ся часто пугал проказника Дафу, и Юй Цзюцюэ был почти уверен, что гусь запомнил ключевые слова «чугунный котел». Едва услышав их, Дафу мгновенно втянул голову обратно.

- Вот уж правда, вы с этим гусем — одно сплошное веселье, — усмехнулась Цао Ашуан, придерживая одной рукой корзинку с нитками, а другой легко обхватив локоть Юй Цзюцюэ.

- Я недавно говорила Вэй Чао, что тоже хочу завести дома гуся. Пусть это будет самка, тогда она сможет составить пару вашему Дафу. Разве это не здорово?

- И что на это сказал брат Вэй?

Цао Ашуан весело рассмеялась:

- Он сказал, что весной пойдет на рынок за птицей. Только вот найдется ли гусь такой же умный, как ваш Дафу — это еще вопрос.

Они весело болтая вошли в дом. Когда они проходили мимо кухни, Цао Ашуан остановилась, привлеченная аппетитным запахом, который было невозможно игнорировать. Ее нос слегка задвигался.

- Что это у вас за редкие вкусности? Я еще дома, за двумя стенами, уловила этот аромат!

Юй Цзюцюэ потянулся к двери главной комнаты и толкнул ее. Дафу первым перескочил через порог, за ним последовали хозяйева.

- Это вчерашние утиные части, что принес брат Вэй. Мы оставили их на ночь замороженными во дворе — все еще свежие. Сегодня я все это почистил и заложил в котел вариться. Только что погасил огонь. Цинь Ся говорит, что лучше оставить их немного в маринаде — так будет вкуснее. Кстати, когда будешь уходить, заведи то, что брат Вэй попросил нас приготовить для него.

Цао Ашуан невольно сглотнула.

- Ну и замечательно! Жить напротив вас — это все равно что каждый день наслаждаться праздником вкуса!

Юй Цзюцюэ тепло улыбнулся, пригласил ее сесть и взял чайник, чтобы налить воды. Чайный настой был прозрачным, с ароматом, совершенно не похожим на привычный вкус чая. Цао Ашуан поднесла чашку к носу, вдохнула запах, потом сделала маленький глоток и тут же просияла.

- Брат А-Цзю, что это за чай? Он такой сладковатый и потрясающе вкусный.

Юй Цзюцюэ, увидев, как она залпом осушила полчашки, подлил ей еще немного.

- Это отвар из сахарного тростника, бамбука и корней императы, я еще добавил немного моркови, поэтому он такой сладковатый, — объяснил Юй Цзюцюэ, - Цинь Ся в последнее время сильно загружен и начал страдать от жара, а я тоже немного покашливаю. Я спросил у доктора, и он сказал, что можно варить это для питья. По вкусу отвар приятный, и к тому же, выпив его на ночь, можно спокойно заснуть.

Цао Ашуан тут же принялась расспрашивать рецепт и, услышав его, решительно заявила, что тоже купит все необходимые ингредиенты, чтобы сварить отвар дома.

- Я терпеть не могу пить простую воду. Мои свекор и свекровь обожают крепкий чай, но я к нему никогда не притрагиваюсь. А вот этот отвар мне точно по вкусу.

- Если нравится, пей побольше. Это полезно для здоровья, — с улыбкой ответил Юй Цзюцюэ. Он налил себе чашку, сделал пару небольших глотков и поставил ее обратно.

Этот простой жест привлек внимание Цао Ашуан. Совсем юная девушка, подперев щеку ладонью, с серьезным видом произнесла:

- Брат А-Цзю, мне кажется, у тебя совсем непростое происхождение.

Рука Юй Цзюцюэ на мгновение замерла, а в глазах мелькнуло легкое смятение, которое он тут же спрятал за своей привычной улыбкой.

- С чего вдруг такие разговоры?

Цао Ашуан, будучи прямой по натуре, тут же выпалила:

- Я давно так думаю. У тебя манеры совсем не такие, как у нас, простолюдинов. Да и почерк у тебя такой красивый.

На этих словах она невольно подалась чуть ближе и, понизив голос, спросила:

- А если ты когда-нибудь восстановишь память и вспомнишь, откуда ты родом, вернешься ли ты туда?

Она была девушкой, выросшей на простых городских улицах, из любимиц в родительском доме превратившись в невестку, на которую не ложилось особых забот. На самом деле она сохраняла душевную чистоту ребенка, и говорила все, что приходило в голову, не догадываясь, что ее слова могут ранить Юй Цзюцюэ.

Тот, покрутив в руках чайную чашку, ненадолго задумался, а потом ответил:

- Даже если я вспомню, какой смысл возвращаться? И так ясно, что ничего хорошего там меня не ждет.

Цао Ашуан задумалась и, поразмыслив, согласилась с его словами.

- Вот теперь я спокойна, — сказала она, схватив Юй Цзюцюэ за руку. — Значит, мы будем соседями всю жизнь!

Допив чашку отвара из сахарного тростника и корней императы, Цао Ашуан достала свою корзинку для шитья и вытащила из нее наполовину вышитый платок. Юй Цзюцюэ же продолжил распарывать покрывало, решив, что нужно успеть разобрать все до Нового года и постирать. В одном из одеял, которые использовались вместо матраца, хлопок уже полностью слежался. Лучше всего было бы найти мастерскую, где его могли бы взбить заново.

В последние дни Цинь Ся не позволял Юй Цзюцюэ выходить вечером торговать, и он, оставшись дома, решил, что без дела сидеть бессмысленно. Раз уж свободное время появилось, почему бы не переделать всю работу, которую давно откладывал. Впереди Новый год — в это время принято наводить порядок в доме до самого основания.

В обычные дни, полные забот, на такие дела не хватает ни времени, ни сил. Но стоило немного

расслабиться, как вдруг оказалось, что глаза просто разбегаются от количества недоделанной работы.

Руки Юй Цзюцюэ не останавливались, но разговор с Цао Ашуан делал все гораздо интереснее — куда лучше, чем работать молча. А разговоры, как часто бывает, между двумя уже состоявшимися супругами неизбежно сводились к их половинкам.

- Ты только посмотри, как Цинь Ся о тебе заботится. А еще, если по-честному, тебе в каком-то смысле даже повезло — ни свекра, ни свекрови над душой нет. Никто не зудит, не торопит с внуками.

Юй Цзюцюэ слегка опешил от такого заявления.

- Ты же совсем недавно вышла замуж. Неужели дядя Вэй с тетей уже начали подгонять?

Цао Ашуан тяжело вздохнула:

- Как же без этого. Я хоть и младшая в семье, но ты сам подумай: Вэй Чао старше Цинь Ся на два года, а мои свекры волнуются, как будто их дом горит. Им бы лишь успеть в первый же год увидеть своего первенца-внука.

Юй Цзюцюэ аккуратно положил в сторону обрывок хлопковой нити, которую он только что оборвал. Это нельзя было оставлять без присмотра — вдруг Дафу проглотит.

Его голос звучал мягко и уверенно:

- Все это зависит от судьбы. Такие вещи нельзя торопить.

Цао Ашуан согласно кивнула:

- Я им то же самое говорю. Но разве это удержит? В свекровом доме они подгоняют, в отчет — тоже. Мы с Вэй Чао решили, что в первый день Нового года пойдём в храм Вэньхуа. Там говорят, что молитвы о детях особенно действенны.

С этими словами она вдруг отложила вышивку.

- А что, если вам с Цинь Ся тоже пойти с нами? Поскорее бы у вас появился малыш — и тогда в вашем дворе станет по-настоящему оживленно!

Слова подруги вызвали у Юй Цзюцюэ легкий отклик в сердце. Он действительно задумался, но понимал, что все зависит от Цинь Ся. В глубине души его мучил небольшой узелок. Они до сих

пор не завершили брачную ночь, и эта тема, как заноза, не давала ему покоя. Он понимал, что Цинь Ся следует медицинским предписаниям, но с другой стороны, как можно в юности, при близости супруга, сохранять такое спокойствие?

Тем не менее, будучи впервые замужним, Юй Цзюцюэ не знал, как говорить о таких вещах. Подумав, что Цао Ашуан — единственная, с кем можно это обсудить, он наконец решился.

Однако его природная застенчивость все же брала верх, и он с трудом начал разговор, слегка заикаясь. Чем дольше он говорил, тем шире становились глаза Цао Ашуан. В конце концов она не выдержала и громко воскликнула:

- Да ты серьезно?!

Юй Цзюцюэ вздрогнул:

- Тише ты!

Цао Ашуан тут же посмотрела по сторонам. В ответ ее взгляд натолкнулся лишь на черные бусинки-глаза Дафу.

Не обращая внимания на вышивку и даже на работу Юй Цзюцюэ, она резко приблизилась:

- Слушай меня внимательно! Это дело нельзя пускать на самотек!

Юй Цзюцюэ, глядя на серьезное выражение лица Цао Ашуан, не удержался от вопроса:

- Что ты имеешь в виду?

Цао Ашуан сжала губы и, собравшись с мыслями, ответила:

- Доктор сказал, что твое здоровье не позволяет вам близости, а Цинь Ся это принимает. Это уже говорит о том, что он искренне заботится о тебе. Но вот что я скажу: я, как женщина, лучше тебя понимаю этих мужчин. Они могут ничего не говорить, но если думают об этом, то все равно хоть как-то проявят свои чувства — жестами, действиями.

Она махнула рукой, приглашая Юй Цзюцюэ наклониться ближе, и, понизив голос, шепнула ему несколько слов. Закончив, она тут же спросила:

- Ну? Было что-то из этого?

Юй Цзюцюэ моментально залился краской и пробормотал:

- Нет...

Он и сам знал, что Цао Ашуан способна сказать что угодно, но спросить ее об этом он решился только с великим трудом. Теперь же, смущенный, он вдруг осознал: самое близкое, что происходило между ним и Цинь Ся, — это тот день, когда Цинь Ся подхватил его на руки и отнес к врачу после обморока.

Цао Ашуан вытаращила глаза еще сильнее:

- Неужели Цинь Ся... потихоньку решил стать монахом?!

Кто еще, кроме монаха, мог бы оставаться столь равнодушным, имея рядом такую красоту, как Юй Цзюцюэ?

Она задумчиво покачала головой: ведь Цинь Ся, с его бодрым видом и неизменной энергией, никак не выглядел человеком с подобной проблемой.

Юй Цзюцюэ, услышав ее слова, и сам начал испытывать сомнения. Цинь Ся был прекрасным мужем, но их отношения, как казалось Юй Цзюцюэ, все равно оставались за тонкой, почти невидимой, перегородкой.

На лице Юй Цзюцюэ появилось легкое беспокойство, которое не укрылось от глаз Цао Ашуан. Она вздохнула, видя его смятение, но решила, что излишние слова могут сейчас только смутить его еще больше.

- В любом случае, быть внимательным никогда не повредит. Если дело так и не сдвинется, попробуй... ну, скажем, подтолкнуть его сам!

Юй Цзюцюэ нахмурился:

- Как это «подтолкнуть»?

Цао Ашуан прочистила горло, избегая прямого взгляда, и с ноткой лукавства в голосе предложила:

- Ну, если он не проявляет инициативу, прояви ее ты. Тогда и узнаешь, дело в том, что он просто не думает об этом, или есть какая-то... хм... причина, о которой он не может сказать.

Юй Цзюцюэ, наконец осознав, что такая возможность действительно существует, почувствовал, как его лицо горит еще сильнее. Однако как проявить эту инициативу, он себе совершенно не представлял.

- Что ж, насчет похода в храм Вэньхуа в первый день Нового года я поговорю с Цинь Ся, — сказал он после небольшой паузы.

Он считал, что это тоже может быть своего рода проверкой их взаимных намерений. Если Цинь Ся проявит заинтересованность в молитве о ребенке, это будет означать, что он действительно хочет создать семью с Юй Цзюцюэ. Возможно, просто пока время для этого не пришло.

В тот вечер Цао Ашуан так и не успела сделать ни одного стежка на своем платке. Она еще немного поддержала Юй Цзюцюэ, а затем, взяв свою корзинку и подготовленные утиные потроха, отправилась домой.

На прощание Дафу распахнул свои крылья, словно прося, чтобы его обняли, чем вызвал у Юй Цзюцюэ смех. Закрывая дверь и уводя Дафу обратно в дом, он с улыбкой пожурил гуся:

- Ах ты, маленький бездельник!

Между тем, на перекрестке, Лю Доуцзы уже подталкивал свою тележку и обернулся, чтобы попрощаться с Цинь Ся:

- Брат Ся, мы пошли!

Рядом с ним Фан Жун махнула рукой:

- Будь осторожен по дороге домой!

Сегодня Цинь Ся и Лю Доуцзы вместе выходили торговать. Им не хватало человека, который бы занимался деньгами и упаковкой, поэтому Фан Жун вызвалась помочь.

- Ты правильно сделал, что позволил А-Цзю остаться дома отдохнуть. Человек ведь все еще пьет лекарства, где уж тут каждый день стоять на улице на ветру. А я, видно, обречена всю жизнь трудиться, дома мне все равно не сидится спокойно. Зато, выходя сюда, могу хоть немного развеяться и посмотреть на всю эту суету улицы Баньцяо, — сказала Фан Жун с улыбкой.

Цинь Ся не стал возражать и пригласил ее остаться. Как и в предыдущие разы, они закончили работу через два с небольшим часа. Благодаря присутствию Фан Жун, все прошло без той суеты, которую он опасался.

- Крестная, Доуцзы, будьте осторожны по дороге! — попрощался Цинь Ся, провожая мать и сына из семьи Лю.

Когда их фигуры скрылись вдали, он снова нагнулся и толкнул вперед свою тележку. За вечер в

кармане оказались еще два лян серебра — приятный, тяжелый вес, который приносил чувство спокойствия и уверенности.

Цинь Ся невольно ускорил шаг, предвкушая, как скоро вернется домой и вместе с Юй Цзюцюэ будет пересчитывать медные монеты. Заодно он планировал отдать маленький подарок, который купил по дороге. Гер наверняка будет рад.

Всю дорогу его губы оставались чуть приподнятыми в довольной улыбке. Даже у порога собственного дома уголки его рта не опустились. Он постучал по дверному кольцу, и в лунном свете на пороге появился тот, кого он не видел уже несколько часов.

- Наконец-то ты вернулся. Я нагрел воды, сейчас наберу тебе ванну, чтобы ты смог расслабиться после работы, — сказал Юй Цзюцюэ, задвигая засов на двери.

Он вышел во двор вместе с Цинь Ся, чтобы помочь разгрузить тележку.

- Судя по всему, все распродал, — заметил он, глядя на пустую тележку и легкие корзины, которые он ставил на землю одну за другой с радостной улыбкой.

- Да, все продано. Еще и те, кто опоздал, остались ни с чем, — ответил Цинь Ся с довольным видом.

В доме уже все было готово: достаточно бросить грязную посуду в таз, засыпать ее древесной золой, и можно больше не думать о ней до утра. Цинь Ся вернулся в комнату, снял с себя одежду и, обернувшись, увидел, что Юй Цзюцюэ уже внес большую бочку горячей воды и приготовил для него ванну. Рядом, на полу, стояла жаровня, угли в которой весело потрескивали.

Деревянная бочка была тяжелой сама по себе, а наполненная горячей водой и подавно. Хотя Юй Цзюцюэ наливал воду уверенно и аккуратно, Цинь Ся не мог не волноваться, наблюдая за ним.

- Почему ты меня не позвал? А если бы обжегся? — укоризненно сказал он.

Юй Цзюцюэ слил последние капли воды из ведра, затем поднял его и улыбнулся:

- Я же не из бумаги сделан, с одной бочкой воды справлюсь.

С этими словами он поймал взглядом одежду, которую Цинь Ся снял. Цинь Ся был человеком чистоплотным, и наутро не терпел надевать одежду с запахом кухонного дыма. Но ткань уже изрядно износилась, и ежедневная стирка могла ее окончательно испортить. Поэтому Юй Цзюцюэ предпочитал вечером вывешивать одежду на улицу — к утру запах почти полностью выветривался.

- Ты иди принимай ванну, а я еще лекарство на плите варю, — сказал Юй Цзюцюэ. Затем добавил, как бы между делом, - Кстати, сегодня приходила сестрица Ашуан. Я отдал ей утиные части, что для старшего брата Вэя. Остальное еще в котле. Хочешь попробовать?

Цинь Ся, нагнувшись, чтобы проверить температуру воды, обернулся:

- А ты сам не пробовал?

Юй Цзюцюэ, конечно, не стал рассказывать, что весь вечер был занят своими мыслями и забыл о еде. Вместо этого он ответил:

- Я разбираю одеяла и не успел.

Цинь Ся рассмеялся:

- Тогда стоит попробовать. Возьми немного, чтобы перекусить перед сном.

Утка действительно пахла восхитительно. Если Юй Цзюцюэ съест немного, то точно не пострадает потом от тяжести в животе.

- Кстати, не уходи пока. У меня есть кое-что для тебя, — добавил Цинь Ся, вытирая руки и окликнув Юй Цзюцюэ, который собирался выйти с одеждой.

Сняв с соседнего стола небольшой сверток, он протянул его Юй Цзюцюэ:

- Для тебя. Открой, посмотри.

- Вот так просто снова тратишь на меня деньги, — пробормотал Юй Цзюцюэ, принимая сверток, хотя улыбка сама собой озарила его лицо.

Он аккуратно развернул ткань, и перед ним предстала маленькая медная карманная грелка для рук. Его лицо мгновенно озарилось удивлением и радостью.

- Как же ты додумался купить такую вещь? Это ведь чистая медь, должно быть, дорогая!

- Я давно хотел купить тебе такую штуку, — ответил Цинь Ся, - С ней тебе будет теплее, когда ты стоишь на улице. Ну, а что касается цены, все говорят, что медь дорогая, но разве такой маленький предмет может стоить баснословных денег? Я как раз увидел у торговца пару таких, когда он проходил мимо. Решил спросить. Крестная сильно помогла: торговец хотел семь цяней, но крестная сбила до пяти. Сказала, что у них на лотках вещи попроще, чем в магазинах, но на деле ничем не хуже.

Юй Цзюцюэ открыл крышку грелки, внутри которой можно было разжечь угли. Более изысканные пользователи добавляли в угли ароматические смеси.

- Пять цзяней — это все равно немало, — задумчиво заметил он.

- Но ведь это полезная вещь. Как и грелка для постели — зимой без нее никак. Ее можно использовать до самого конца зимы, а потом она еще долгие годы будет как новая. Так что она того стоит. С завтрашнего дня бери ее с собой.

Юй Цзюцюэ, явно довольный, аккуратно завернул грелку обратно в ткань, сберегая ее как сокровище.

Едва он вышел, Цинь Ся снял оставшуюся одежду и с удовольствием погрузился в горячую воду. Когда его тело коснулось тепла, он не смог сдержать тихого, довольного вздоха.

Хотя ванна и выглядела вместительной, для взрослого мужчины места в ней все равно было маловато. Цинь Ся задумался: вот бы, когда появятся деньги, заказать у плотника настоящую большую купель.

«Лучше бы еще устроить дома настоящую ванную, с кирпичной печью для обогрева. Тогда можно было бы купаться круглый год и не бояться холода», — подумал Цинь Ся, погружаясь в горячую воду.

Снаружи Юй Цзюцюэ развесил одежду и направился в кухню. Сначала он слил свое лекарство в чашку и отставил его в сторону, затем поднял крышку котла и палочками выловил из него утиные части.

Две утиных шеи, пара крыльев, немного сердечек, желудков, кишок и одна утиная голова — все эти кусочки составили небольшую тарелку. Изначально бледное, бело-розоватое мясо, после маринада в пряном бульоне приобрело насыщенный красновато-коричневый оттенок.

Юй Цзюцюэ отнес чашку с лекарством и тарелку с утиными частями в комнату, поставил их на стол и, присев, снова принялся разглядывать и аккуратно трогать свой новый ручной обогреватель. Время от времени он бросал взгляд на дверь, ожидая, когда Цинь Ся закончит купание.

Прошло некоторое время, лекарство остыло. Юй Цзюцюэ зажал нос, залпом выпил горький настой, а потом сразу же заел его сладкой полоской сушеного персика.

Но Цинь Ся все не появлялся.

«Неужели он там уснул?» — подумал Юй Цзюцюэ.

Купаться и засыпать в воде было опасно — легко простудиться. Немного поколебавшись, он встал и направился к двери ванной.

Скрип... Дверь медленно отворилась, и легкий звук заставил Цинь Ся, находившегося в полудреме, резко очнуться. Он потер пальцами виски, осознав, что почти уснул, когда вдруг почувствовал прохладный ветерок сбоку. Еще не успев окончательно прийти в себя, его первой, почти рефлекторной реакцией было схватить полотенце, висевшее на краю деревянной ванны, и быстро прикрыть нижнюю часть тела.

Юй Цзюцюэ замер на месте:

- Я слышал, что у тебя в комнате совсем тихо, боялся, что ты уснул и простудишься, — объяснил он, но взгляд его невольно скользнул по обнаженному торсу Цинь Ся.

Это был первый раз, когда он видел Цинь Ся без одежды. Его фигура оказалась даже более мощной и крепкой, чем он представлял.

Так вот как выглядит тело мужчины под одеждой...

Сердце Юй Цзюцюэ вдруг забилось быстрее. Слова Цао Ашуан, произнесенные ранее, снова всплыли в его памяти. Он медленно выдохнул, словно принимая какое-то внутреннее решение

Вместо того чтобы выйти из комнаты, как полагалось, гер вдруг сделал шаг вперед. Его мысли неслись вихрем, пока он не выпалил:

- Муж, может, мне помочь потереть тебе спину?

...

В тесной комнате, наполненной паром, царил тишина.

Цинь Ся хотел было отказаться, но не нашел подходящего предлога. Отказ от близости он мог объяснить наставлениями лекаря, но как объяснить, что даже прикоснуться к себе он не позволяет? Он ведь не какая-то стыдливая барышня.

- Хорошо, тогда побеспокою тебя, — произнес он с наигранным спокойствием, стараясь выглядеть безмятежным.

Но тут ситуация стала еще более неловкой.

В комнате было только одно тканевое полотенце, которое он в спешке бросил в воду, пытаясь

прикрыться. Юй Цзюцюэ заметил это краем глаза. Поняв причину, он еле сдержал улыбку, но тут же перевел разговор на другое.

- Хорошо, я схожу за чистыми тряпками. У меня как раз есть пара, которые только что высохли.

Через несколько минут он вернулся, намочил тряпки и принялся вытирать спину Цинь Ся. Его движения были аккуратными и сосредоточенными. Чтобы сгладить неловкость, он завел разговор:

- Сестра Ашуан сказала, что на Новый год, первого числа, они с братом Вэем собираются в храм Вэньхуа молиться за благополучие. Там говорят, молитвы о детях особенно действенны. Она спросила, не хотим ли мы пойти с ними.

Цинь Ся, напряженный из-за происходящего, едва дышал, а услышав слово «дети», и вовсе почувствовал себя не в своей тарелке. Он замер, обдумывая ответ, а затем с легкой улыбкой ответил:

- Если тебе хочется, то пойдём. Заодно попросим здоровья и мира для нашего дома. Это ведь никогда не помешает.

Его ответ сделал тему детей второстепенной, как будто это всего лишь случайная добавка.

Юй Цзюцюэ уловил скрытый подтекст, и его взгляд на мгновение потускнел. Однако он спокойно ответил:

- Тогда завтра я передам сестре Ашуан, что мы пойдём вместе.

Договоренность была достигнута, а вместе с ней и своего рода результат проверки. Правда, этот результат оказался не таким, как надеялся Юй Цзюцюэ.

Купание, начавшееся с такого напряжения, вызвало бурю эмоций у обоих. Закончив и одевшись, Цинь Ся вышел в общую комнату, где его уже ждала тарелка ароматных утиных потрохов. Вид их соблазнительного вида и запаха помог ему наконец отвлечься от пережитой неловкости. Хотя время уже было позднее, и вроде бы пора было ложиться спать, устоять перед тарелкой горячих угощений было невозможно. Не съесть хотя бы немного казалось почти преступлением против самого себя.

- Так что настоящему повару обязательно нужно обладать сердцем, которое будет беспокойно биться ради вкусной еды, — с легкой усмешкой заметил Цинь Ся.

Сначала он кончиком палочки попробовал маринад. На его взыскательный вкус результат тянул на твердую восьмерку из десяти.

- Если оставить еще на ночь, вкус станет насыщеннее. Завтра упакую немного для управляющего Сина и крестной, — сказал он, затем обратился к Юй Цзюцюэ, - Давай, приступай! Забудь про палочки, берись руками.

Сам он первым делом схватил утиную голову. Еще с давних времен Цинь Ся любил лакомиться утиными головами. Хотя мяса там было совсем немного, зато вкус всегда самый богатый.

Дафу, уловив запах, подошел к столу, обнюхал, но быстро ушел, задрвав клюв. Ему явно пришлось не по нраву тяжелый аромат специй.

Цинь Ся с улыбкой поднял над столом разломанную пополам утиную голову.

- После того, как у нас появился Дафу, я, пожалуй, больше не смогу есть гуся. А вот утка все еще остается в меню.

Юй Цзюцюэ, однако, слегка напрягся, глядя на утиный череп, и вместо этого взял палочками кусок утиной шеи.

Шея была порезана на идеально подходящие для еды кусочки, которые легко помещались в рот. Он медленно снял мясо с костей зубами, ощущая насыщенный вкус с балансом соли и сладости. Благодаря тому, что все готовилось в горячем маринаде, мясо получилось особенно ароматным и сочным, таким, что хотелось выгрызть кости до суха, прежде чем выбросить.

После шеи он перешел к крыльям. Цинь Ся, наблюдая, как Юй Цзюцюэ сосредоточенно разбирается с обычными частями утки, положил ему в чашку кусочек утиных кишок:

- Попробуй это. Очень вкусно.

Утиные кишки были тонкими и длинными, напоминали собой лапшу. Юй Цзюцюэ, слегка сомневаясь, но собравшись с духом, поднял один конец палочками и откусил.

- Хрустящее? — удивленно заметил он, смакуя.

Цинь Ся кивнул:

- Верно. Кишки я кладу в маринад самыми последними, потому что если их переварить, они становятся жесткими. А вот сейчас — идеальный баланс: хрустящие и легко жуются. Если готовить их в горячем котле, нужно держать их палочками и быстро вынимать, иначе, если упадут на дно, испортятся.

После кишок настала очередь утиных сердец и желудков. Попробовав их, Юй Цзюцюэ признал, что у Цинь Ся действительно есть талант к созданию изысканных вкусов. Все было

приготовлено так мастерски, что невозможно было удержаться и не попробовать еще.

Среди всех утиных потрохов утиный желудок оказался наименее пропитанным маринадом, но его хрустящая текстура и жевательная плотность пришлись Юй Цзюцюэ особенно по вкусу.

- Эта штука хороша тем, что ее можно есть долго. И еще идеально подходит в качестве закуски к вину, — отметил он.

Цинь Ся, обмотав утиную кишку вокруг палочек, целиком отправил ее в рот. Прожевав, он с удовольствием сказал:

- Надо будет снова сходить в винокурню к управителю Пэну и взять бочонок хорошего вина. Если у них есть сладкий рисовый напиток, то я возьму его для тебя. Он почти не считается вином, и ты сможешь пить его спокойно.

Его мысль унеслась к книгам, в которых рассказывалось о том, как в древности, когда технология виноделия была еще примитивной, напитки содержали множество примесей, были низкоградусными и больше напоминали сладкий рисовый алкоголь. Вкус был мягким, а опьянение легким.

Вспомнив строки Ли Тайбая: «Золотой кубок вина за десять тысяч монет» и «Надо бы выпить триста чаш», Цинь Ся задумался: если заменить древнее рисовое вино на современный крепкий напиток, даже тридцать чаш оказалось бы непосильной задачей.

Некоторые исследователи полагали, что легендарный бессмертный поэт Ли Тайбай имел выносливость, сопоставимую с пятью-шестью бутылками современного пива.

Однако в эпоху Даюна искусство виноделия достигло новых высот. Высококачественный байцзю, который Цинь Ся видел в винокурне, был кристально чистым, с ароматом, который пьянил еще до того, как сделан первый глоток. Крепость таких напитков легко достигала 30-40 градусов.

Его предыдущая жизнь (до переселения) включала немало дегустаций. Но после того, как он оказался в этом мире, серьезно попробовать местные напитки у него пока не получилось. Слова Юй Цзюцюэ разбудили в Цинь Ся тоску по хорошему вину.

Потроха требовали неспешности, чтобы насладиться каждым кусочком. За довольно долгий вечер тарелка с маринованной утиной была полностью съедена.

Когда они заканчивали ужин, Цинь Ся вдруг вспомнил известную фразу: «Человеческая пища — лучшая утеха для сердца». Вкусная еда действительно помогала забыть о тревогах, и все волнения уходили на второй план.

Однако в жизни каждого свои радости и печали.

Поздней ночью Цинь Ся уже крепко спал. Легкий, почти неслышный храп заполнял тишину. Юй Цзюцюэ, лежа на своей половине, смотрел на балки потолка, озаренные лунным светом. Глаза его оставались открытыми, мысли — беспокойными. Лишь время от времени он медленно вздыхал, продолжая безмолвно размышлять о своем.

*Закуски из соленой утки 盐焗鸭

<http://bllate.org/book/13601/1206033>